

I

Восхищаться

Восхищаться – испытывать восторг перед тем,
что видится нам красивым, идеальным.

Эльза Фейе восхищалась Беатрис Бланди. Она из года в год перечитывала ее романы, и они никогда ей не надо-едали. Дело было даже не в сюжете — в книгах Беатрис Бланди его толком и не было, больше всего ей нравилась резкая, язвительная манера письма и то, как писательница смотрит на мир. Эльза Фейе узнавала себя на каждой странице, в каждом персонаже. Она была той, что соглашается подвезти ночью незнакомца, той, что готовит ужин любовнику, который не придет, и той (была ли это одна и та же женщина или всякий раз другая?), что блуждает по метро со следами крови на руках. Когда Эльза Фейе читала Беатрис Бланди, ей казалось, что она лучше понимает саму себя, как будто тихий манящий голос шептал ей: «Взгляни на мир иначе, смотри, жизнь может быть другой — более насыщенной, более правдивой...»

Эльза Фейе ни разу не пыталась познакомиться с Беатрис Бланди. Книг было достаточно. Ей казалось, что

писатели и так отдают своим произведениям лучшее, что в них есть, — нужно ли после этого идти в книжный магазин или на ярмарку, чтобы увидеть их во плоти? Зачем ей знать, пишут ли они ручкой Montblanc или гусиным пером, поздно ночью или ни свет ни заря? К тому же Эльза Фейе и сама писала, она выпустила уже несколько романов, и что-то вроде стыдливости мешало ей рассылать восторженные письма любимым авторам. Конечно, иногда ей случалось пересекаться с ними на фестивалях и книжных ярмарках, и заметь она в толпе Беатрис Бланди, то, разумеется, подошла бы к ней и сказала бы что-то вроде «я обожаю ваши книги». Очень коротко, буквально пару слов, на это ей хватило бы смелости. Но случая так и не представилось. А потом из интернета она узнала, что Беатрис Бланди умерла. Сгорела от рака буквально за несколько недель. Посыпались восторженные некрологи в соцсетях и прессе; она была известной писательницей, обладательницей престижных литературных премий, жила в Париже, была со всеми знакома, всеми любима, и новость о ее смерти поразила литературный бомонд. Эльзу Фейе тоже. Хоть Эльза и не принадлежала к этому парижскому кругу, в первые дни после кончины Беатрис Бланди ей было грустно. Значит, больше не будет романов великой писательницы? Ни одного? Ею восхищалась не только Эльза, несколько месяцев спустя писательнице посвятили несколько книг, документальных фильмов, каждый стремился рассказать,

как Беатрис Бланди повлияла на его жизнь, творчество, каждый хотел по-своему воздать ей честь — фильмом, песней, романом... Эльзе же оставались лишь ее книги, ведь их всегда можно будет читать и перечитывать. Так творчество писательницы постепенно пропитает ее собственное, станет ей своего рода наследством.

Беатрис Бланди написала немного, всего пять романов за тридцать лет — получается, по роману раз в шесть лет. Она была не из тех авторов, которые выпускают по книге в год и постоянно на виду — то на радио, то по телевизору, — нет, в интервью Беатрис Бланди объясняла, что садится писать, когда это становится острой необходимостью, иначе она не может работать. Она писала короткие романы, едва ли больше ста страниц, мощные, ослепительные тексты, и Эльзе нравилась эта лаконичность, умение не распыляться. Ей казалось, что это проявление деликатности, способ не заполнять пространство исключительно собой, уступать место другим, и всякий раз, когда Эльза перечитывала одну из книг Беатрис Бланди, она словно занимала место рядом с писательницей. Это напоминало диалог, всегда захватывающий, всегда волнующий, как будто она отправлялась в путешествие и каждый раз возвращалась преображенной. Эльза чувствовала себя в долгу перед Беатрис Бланди — та подарила ей столько красоты, но теперь ее больше нет, а Эльза, увы, так и не успела ничего ей сказать. Теперь она жалела о том, что не решилась на встречу, что так и не рассказала, как

сильно книги Беатрис Бланди изменили ее. Именно они помогли Эльзе решиться и предложить свои тексты издательствам, добиваться публикации, несмотря на отказы, и наконец напечатать сначала несколько рассказов, а потом и короткие романы, наподобие книг Беатрис Бланди.

Когда Эльза уже собиралась отправить издателю свою последнюю рукопись, ей захотелось посвятить ее «Беатрис Бланди, безвременно ушедшей». Нет, это нелепо. Это лишнее. Да кто она такая, чтобы так говорить о смерти писательницы? Лучше помянуть ее как-нибудь изящнее, например цитатой... Да, фраза из Беатрис Бланди, эпиграф — прекрасный способ воздать ей должное, но без лишней помпезности.

Вооружившись маркером, Эльза перечитала все пять ее романов в поиске фразы, одной-единственной фразы, которая воплотила бы в себе все, что она любила в книгах Беатрис Бланди. Это оказалось сложнее, чем она ожидала. Их было трудно разбирать на цитаты. Вырванные из контекста, предложения теряли силу, становились банальными. Именно текст во всей своей полноте придавал им смысл и точность. Конечно, она же не поэтесса, а романистка, как же Эльза не сообразила раньше?

В конце концов она нашла отрывок, который не показался бы нелепым в качестве эпиграфа — ни ей самой, ни Беатрис Бланди.

Издательство приняло текст Эльзы и весной после небольших правок выпустило под названием «Форум».

Главная героиня романа — мать-одиночка, которая постоянно сидит на родительских форумах. На этих сайтах родители отвечают друг другу на самые разнообразные вопросы вроде «Успею ли я выйти на пробежку, пока ребенок спит днем?» или «Как экономить, когда воспитываешь ребенка одна?». К тому же (и это было главным в романе) мать-одиночка устраивала ночные эскапады. Не спортивные пробежки, а прогулки — просто чтобы подышать свежим воздухом, расслабиться, почувствовать свободу. Все это не имело ни малейшего отношения к романам Беатрис Бланди. Собственно, в них никогда не шла речь о детях, потому что, как объяснила Беатрис в интервью на радио France Culture, она никогда не хотела иметь детей. Она — писательница, а потому ей есть чем заняться. Это еще больше восхищало Эльзу, ведь сама она не устояла под натиском провинциальных традиций: там, где она жила, рожать должна была каждая.

«Форум» приняли очень хорошо, и даже если у матерей-одиночек и не было времени его читать, Эльзе он позволил расширить круг читателей, в первую очередь за счет родителей, которые писали ей сообщения в соцсетях, объясняя, что, хоть они и воспитывают ребенка в паре, им до боли знакомо желание главной героини сбежать от всего подальше. Эльзу впервые начали приглашать на книжные фестивали, сразу несколько иностранных издательств захотели купить права на перевод. Она свято верила, что короткая цитата

из Беатрис Бланди принесла ей удачу, стала талисманом, словно любимая писательница благоволила ей.

Именно тогда Эльза получила письмо — издательство передало ей его с опозданием в несколько недель.

Париж, 23 мая

*Мадам,
я с удовольствием прочел ваш роман «Форум». Меня очень тронуло, что вы процитировали мою жену. Ваша книга наверняка очень понравилась бы Беа. Мне сообщили, что вы живете не в Париже, свяжитесь со мной, когда окажетесь здесь, я бы хотел познакомиться с вами. Прилагаю визитку с номером моего телефона,*

Тома Бланди

2

Париж, Лионский вокзал. Сесть на первую ветку до Тюильри. Идти вдоль высокой ограды парка, заглядывая в буковые аллеи, посыпанные гравием. Повернуть налево, на улицу Сен-Рош, затем направо, на улицу Сент-Оноре. Стать жертвой гневного велосипедиста на пешеходном переходе, а потом — прохожей — смотрите, куда идете, вы своим чемоданом мне по ногам проехались. Места кажутся смутно знакомыми, ведь она столько раз видела их в кино, по телевизору... Первый округ Парижа. Лувр, площадь Вандом, Пале-Рояль. Центр мира. Здесь правда живут люди, не только Джоконда?

Заметить в витрине свое отражение. Решить, что плохо оделась. Сразу видно — провинциалка. Может, взять и отменить встречу с Тома Бланди в последний момент? Придумать любое, пускай самое нелепое оправдание. Вскочить в первый поезд, спрятаться в книгах Беатрис Бланди, подальше от Тюильри и ее мужа.

Вообще-то Тома Бланди по телефону был очень мил и радушно предложил Эльзе прийти к нему на обед, раз уж ковидные правила смягчили. Франция отходила от первого карантина, и рестораны еще не работали. Эльза воспользовалась короткой поездкой в Париж и приняла приглашение. Она долго сомневалась, выбирая вино — «Кроз-Эрмитаж» или «Сен-Жозеф»? Она уже почти остановилась на «Сент-Амур», но в конце концов выбрала ненавязчивое «Кот-дю-Рон». Еще она купила козьего сыра, но не слишком ли это для обычного обеда, уместно ли?

Остановиться перед большими воротами дома номер 320 по улице Сент-Оноре. Пересечь широкий квадратный двор из беленого камня — целый особняк, ишь ты. Подняться по ступеням, ведущим в парадную, и нажать на кнопку звонка под инициалами БТБ — Беатрис и Тома Бланди. Мужской голос по домофону сообщил Эльзе, что ее ожидают, шестой этаж, квартира справа от лифта. Эльза следует по элегантному ковру винного цвета к лифту. Вздрагивает, когда слышит, как сотрясается кабина лифта и перед ней с лязгом распахиваются кованые дверцы. Для чего она пришла сюда? Зачем ей знакомиться с мужем любимой писательницы? На последнем этаже приоткрывается дверь, лестничная клетка залита светом. Появляется Тома Бланди. Высокий, пышная копна волос с легкой проседью.

— Как добрались? Сколько у вас вещей! Ставьте чемодан и давайте же сюда пальто!

Сказать себе, вот, теперь я дома у Беатрис Бланди. Это ее прихожая, ее квартира, ее жизнь.

Эльза последовала за Тома Бланди в большую гостиную с выходом на общий балкон. По комнате расставлены чугунные, стеклянные, металлические скульптуры, на стенах висят работы Миро, Шагала, Матисса... Живой каталог Центра Помпиду, который, кстати, находится в нескольких минутах пешком отсюда. Пол — смолистый, с отливом, как в музее. Элегантные бархатные диваны как бы случайно расставлены среди произведений искусства.

— Прошу вас, устраивайтесь поудобнее. Надеюсь, вы любите спаржу, я заброшу ее вариться и буду полностью в вашем распоряжении!

Стену в глубине комнаты целиком занимает огромная библиотека. Книги Беатрис Бланди. Может быть, действие одного из ее романов происходило в этой гостиной? Эльзе кажется, будто она провалилась в один из ее романов. К рядам книг прислонены портреты. На одном из них изображена девушка в плаще, в тонах сепии. На другом, черно-белом, Эльза узнает Беатрис Бланди, ей около двадцати лет, обнаженное плечо, идеальная кожа...

— Чудесная, правда? — прерывает ее мысли Тома Бланди.

— Она тут как актриса, такая фотогеничная!

— Это Картье-Брессон, моя жена любила, чтобы ее фотографировали великие, иногда она вела себя как звезда...

— Но она и есть звезда!

— Скажем так, Беатрис была штука непростая.

«Штука-дрячка!» — пронеслось в голове у Эльзы.

— Простите? Вы что-то сказали?

— Должно быть, мысли вслух, мой сын все время это повторяет, в школе подцепил.

Он спрашивает, сколько лет сыну (семь), замужем ли она.

— Расстались.

— Как в вашем последнем романе?

Эльза не решается ему сказать, что подобные вопросы задавать пошло.

— Ну да, как в романе.

— А расстались недавно?

— Пару лет назад... Мой сын живет в Лионе, он со мной неделя через неделю — радости совместной опеки.

— Два года, говорите? Два года назад умерла Беатрис.

Тома Бланди вдруг сделался совсем старым. Эльза задумалась: Беатрис Бланди была не меньше чем на двадцать лет старше нее, ее мужу, должно быть, хорошо за шестьдесят.

— Вы, наверное, думаете: «Ну и зануда, столько вопросов!» Садитесь же, нам с вами пора выпить!

Эльза достает из сумочки бутылку вина и россыпь козьих сыров.

— Вы все это везли из Лиона? Что вы, не стоило беспокоиться, у меня есть все, что нужно!

Эльза смущенно улыбается. Беатрис Бланди такой оплошности никогда бы не допустила, уж она-то точно знала бы, что уместно принести к обеду, тем более если обед устраивает ее муж... Он возвращается из кухни с бутылкой шампанского и садится на диван напротив Эльзы. Между ними — продолговатый стеклянный стол. Он заставлен игрушками. Посмотрев внимательно, Эльза понимает, что это револьверы. Карандаши в форме револьвера, надувные револьверы, разных цветов, из разных материалов.

— Беатрис обожала безделушки, — говорит Тома Бланди, — она привозила их из каждой поездки, особенно из Азии.

— Безделушки, да не простые, — говорит, улыбаясь, Эльза.

— Ее завораживало оружие и смерть. Иногда она садилась и часами смотрела в одиночестве фильмы ужасов. Должно быть, ей от этого становилось лучше... Возьмите саями, пожалуйста, вы любите фисташки? У меня есть кешью, если хотите. Выпьем же за вашу книгу! За знакомство!

Тома Бланди совсем не похож на мужских персонажей из романов жены. Ее герои маленькие, коренастые, они

вызывают исключительно физическое влечение, от них исходит какой-то особый магнетизм. Тома Бланди другой — он стройный и изящный. Пышная, несмотря на возраст, копна волос обрамляет его лицо с тонкими чертами, но кажется, будто внутри у него что-то оборвалось, потухло. И лишь его глаза глубокого болотно-зеленого цвета время от времени внимательно изучают Эльзу, как если бы он хотел узнать всю ее подноготную.

Эльзу привлекает обнаженная Матисса, которая висит между двумя окнами.

«Вы интересуетесь современным искусством?» Эльза кивает, у нее диплом по истории искусств. Тома Бланди объясняет, что отец Беатрис был искушенным коллекционером. Его дочь унаследовала эти работы после его смерти, но поскольку она отвергала все, что исходило от ее родителей, то предпочла хранить полотна в сейфах. Лишь совсем недавно Тома Бланди решился повесить в квартире некоторые картины и жить среди них. С ними одиночество ощущается не так остро: искусство, конечно, не утешает, но совершенно точно поддерживает.

Не так давно его квартиру обокрали, но воры, очевидно, ничего не смыслили в искусстве и предпочли Матиссам и Пикассо диски и смартфоны.

— У вас правда есть Пикассо?

— Да, — говорит Тома Бланди, — он висит на кухне, хотите посмотреть?

Пикассо на кухне? Эльза идет за Тома в большую освещенную комнату, из которой виден внутренний

дворик. На стене за длинным столом — коллаж Пикассо, а кроме того, работы Брака, Фернана Леже, Хуана Гриса... Все мастера кубизма. Эльза подходит к Пикассо, это натюрморт в приглушенных бежевых и серых тонах.

— Снимайте со стены, не стесняйтесь!

Эльза берет картину в руки. Едва ли ей доведется еще когда-нибудь подойти так близко к настоящему Пикассо. Она переворачивает работу, рама сохранила первозданный облик, с указанием фамилии продавца и года, 1913.

Пока она аккуратно вешает работу на стену, Тома Бланди произносит, улыбаясь: «В первый раз всегда очень волнующе, правда?»

Он говорит, что приготовил простой обед: спаржу, фенхель и семгу с укропом. Доедая, Эльза вспоминает сцену в романе Беатрис Бланди, где героиня замечает застрявший в зубах своего возлюбленного кусочек салата, но не решается сказать ему об этом. В конце концов она вынимает его языком, во время поцелуя.

Тома Бланди извиняется — десерта у него нет, но остались пирожные, которые вчера принесли друзья, ничего, если они доедят их вместе? Он водружает на стол несколько коробок из кондитерской, некоторые даже не открыты.

— Роскошные у вас остатки, — говорит Эльза и кладет себе на тарелку большой кусок шоколадного наполеона. — Вы работаете в кино, верно?

Тома объясняет, что в восьмидесятые и девяностые он спродюсировал множество французских фильмов. Широкой публике он мало известен, так как работал в основном с авторским кино. Он упоминает режиссеров, с которыми сотрудничал, знакомых актеров. Его лицо озаряется, когда он произносит имена Изабель Юппер, Мориса Пиала, Франсуа Трюффо...

Заметив в углу гостиной маленький письменный столик с инкрустацией, Эльза прерывает Тома на полуслове:

— Это здесь Беатрис писала?

— Беатрис внимательно читала Вирджинию Вульф, и для нее большое значение имела ее *room of one's own*, как это по-французски?

— Своя комната, свое место?

— Вот-вот. Я не имел права заходить туда, ни под каким предлогом. Кстати, после ее смерти я так ни разу там и не был...

В три часа дня Эльза покинула квартиру Бланди. Тома спросил, возвращается ли она в Лион, нет, она останется в Париже еще на пару дней, у нее запланировано несколько встреч. В таких случаях она оставалась ночевать у подруги-иллюстратора, которая давала ей ключи от своей мастерской. Эльза поблагодарила Тома Бланди и забрала у него чемодан. Она шла по улице на негнущихся ногах и смотрела на людей вокруг как-то иначе, словно перед ней мелькали кадры цветной киноплёнки. Это она изменилась или они? Вечером в мастерской

Ноэми ей не спалось. Лица Изабель Юппер и Изабель Аджани сменяли друг друга, затем возникала Катрин Денев... В конце концов в качестве ведущего церемонии появлялся Тома Бланди и вручал «Сезар» за лучшую роль... Беатрис Бланди! Смех, возгласы, женщина кричит: «Еще один мужчина, который думает, что куннингус — это название облака!» Эльза проснулась, она была у подруги, в Париже. Вокруг нее на стенах иллюстрации к детским книгам, ряды веселых собак и кошек за рулем, на качелях... Несколько мгновений спустя она снова заснула среди набросков и цветных карандашей и опять погрузилась в тревожные сны.

3

Вот уже год, как Эльза ничего не писала. За исключением совместной с редактором работы над последним романом «Форум», нескольких заказов для литературных журналов и короткой пьесы о домашнем насилии, написанной специально для литературного фестиваля. Роман на эту тему Эльза писать не решалась, а пьеса стала удачным поводом. На сцене семейный вечер, муж и жена слышат, как их соседку по лестничной площадке избивает мужчина, но никак не вмешиваются. Оба придумывают самые разные причины не реагировать, несмотря на все более отчаянные крики о помощи из соседней квартиры. Под конец становится тихо, зрители легко могут представить себе, что соседка погибла, но это не мешает паре на сцене пожелать друг другу доброй ночи и спокойно заснуть.

Премьера Эльзу разочаровала, ее авторский текст оказался непонятым, постановка обыгрывала сходство между криками ужаса и стонами удовольствия.

В результате спектакль начался в совершенно водевильной атмосфере, зрители смеялись над видом пары, смущенной любовными утехами соседей. Эльза была в ярости, но ничего не сказала режиссеру — все равно уже поздно, спектакль сыграют только один раз, на фестивале.

На следующий день после премьеры Эльза сильно нервничала и думала о том, что пора возвращаться к работе. Однако для предыдущего романа, как и для предшествующих, источником вдохновения послужила ее собственная жизнь, и ей казалось, что она вычерпала этот источник до дна. Впервые перед ней возникла проблема сюжета. О чем писать? Какую историю рассказать? Мир полон историй, но какая из них сможет своей силой вдохновить на роман? До сих пор идеи сами находили Эльзу, а в этот раз — ничего. Впервые она столкнулась с пресловутым писательским блоком, а ведь до этого пять книг словно сами родились из-под ее пера. Стоит ли на этот раз ждать, как Беатрис Бланди, пока сюжет найдется сам? Пока неумолимая потребность писать вернется? Эльза вспомнила квартиру Бланди. Конечно, если живешь в подобной роскоши, можно и подождать несколько лет, но ведь она живет по-другому. Ей нужно оплачивать счета, растить ребенка. Пора возвращаться к работе, и поскорее. Эльза опробовала метод, проверенный многими писателями, которых покинуло вдохновение, — каждое утро садиться за рабочий стол и писать все, что приходит

в голову. Писать что угодно, главное — писать, минимум два часа в день. Но получались лишь разглагольствования вроде: «Мне хотелось бы покончить с этими пустыми словами и растраченным временем, двигаться дальше, без преград, и иметь возможность продолжать... продолжать...»

Иногда она шла утром в кафе и искала вдохновение в случайно подслушанных разговорах. Так она узнала, что в бары ее района ходят в основном риелторы и молодые матери. *У меня для вас замечательное предложение, господин Демарто, отличная инвестиция, пять процентов чистой прибыли...* — *У меня так сильно идет молоко, что вначале я боялась, что малыш захлебнется.* — *Мирей, ты пробовала чаи для кормящих мам?..* Тома Бланди продолжал писать ей, и она честно рассказала ему о своих трудностях. Он успокоил ее, сказав, что читает сейчас ее прежние романы и что талант у нее есть. Письмо — это процесс, не стоит спешить. Пока суд да дело, не хочет ли она навестить его в Париже? Они могли бы прогуляться в Тюильри? Сходить на выставку или в кино? Эльза подумала, что идея неплохая. Вместо того чтобы ждать, пока на нее снизойдет вдохновение, не лучше ли просто жить? А что, если попробовать наоборот? Не писать о прошлом, ведь сюжеты, которые подарила ей жизнь, Эльза уже исчерпала? Может быть, стоит самой создавать вдохновляющие события? Раз истории не приходят к ней, она может сама пойти к ним, заставить их случиться. Беатрис Бланди, ее муж,

мир кино и коллекционеров — ей наверняка удастся найти в этом вдохновение. Нет же, это глупо, творчество требует отшельнической жизни, именно такой, какой она жила до сих пор. Париж со всеми его светскими развлечениями — это ловушка, бегство, она сбилась с пути. Сюжеты следует искать в себе, а не вовне. Она продолжала переписываться с Тома, их общение становилось все более теплым и близким. Когда ей в очередной раз понадобилось в Париж по работе, она решила повидаться с ним.

Когда Эльза приехала к Тома, ее ждали стопки книг. Он купил по несколько экземпляров каждого ее романа и настаивал на том, чтобы она подписала их для его друзей. Он приготовил ей список имен, как во время настоящей автограф-сессии в книжном магазине. Эльза поблагодарила его, ей льстила возможность посвятить книги знаменитым актрисам и режиссерам — она и не смела надеяться, что они когда-нибудь будут читать ее книги. Тома снова приготовил вкусный обед, поставил на стол цветы. Он показался ей еще привлекательнее, чем при первой встрече, он похудел, изменился. Он сказал ей, что только что вернулся из центра лечебного голодания, где провел две недели.

— Лечебное голодание?

— Да, я не рассказывал вам об этом, я ездил лечиться на Боденское озеро. Последние годы я очень располнел, нужно было привести себя в порядок...

— Вам там не было скучно?

— Конечно нет, я провел все это время с вами, за чтением ваших книг!

— Спасибо, я не знаю, что и сказать...

— Но перемены на этом не заканчиваются — я решил переехать.

— Но почему?

Это место переполнено воспоминаниями, на карантине лучше не стало. Тут и обсуждать нечего, он не выдержит здесь еще одну зиму. Он как раз недавно смотрел квартиру с видом на Люксембургский сад, она ему очень понравилась. Он предложил Эльзе посмотреть ее вместе.

— Со мной? Но зачем?

— А что, вам разве не интересно?

Эльза внимательно оглядела гостиную. Все здесь было выбрано Беатрис, у нее был хороший вкус. Она так старалась создать изысканное место, отражающее их с мужем характеры, личность, и что? Он хотел уехать отсюда?

— Вам трудно будет найти квартиру лучше этой.

— Возможно...

После обеда Тома предложил прогуляться в Тюильри. Он надел длинное кашемировое пальто. Эльза была в джинсах и короткой кожаной куртке. «Вам больше нечего накинуть?» — сказал он, смеясь. Он отошел ненадолго и вернулся с бирюзовой шалью. «Вот, возьмите!» Эльза смущенно отказалась. «Она вам не нравится? Вы хотите другую?» Эльза последовала за Тома

в спальню, их с Беатрис спальню. Ту, где Беатрис Бланди провела последние дни своей жизни. Ту, где она обдумывала будущие книги, где, наверное, вставала ночью, чтобы записать слово или идею. Ту, где занималась любовью. Огромная кровать была застелена светлыми простынями в яркую цветную полоску. На стене напротив висел большой рисунок — револьвер, выполненный углем. Огромная подпись: «Энди Уорхол». Эта работа уже была здесь, когда Беатрис спала на этой постели, или Тома повесил ее после ее смерти? К спальне примыкала ванная комната. «Это ванная Беатрис», — пояснил Тома. Его ванная была с другой стороны квартиры, рядом со спальней для гостей. Эльза подумала, интересно, Бланди спали в одной комнате или отдельно? Провела ли Беатрис последние месяцы в спальне одна? Неужели они из тех, кто иногда приходит друг к другу, чтобы провести вместе ночь? В романах Беатрис Бланди пары занимались любовью грубо, по-звериному, а соблазнительным оказывался случайный жест, запах... Но в книгах Беатрис Бланди речь обычно шла о мимолетных отношениях, одна ночь, несколько недель, редко дольше. Какими стали бы эти пары спустя тридцать лет, если бы они все же поселились вместе? Почему Беатрис Бланди никогда не писала об этом? А ведь ей наверняка было что рассказать о том, как стареют отношения.

В центре ванной комнаты размером с небольшую квартиру царственно расположилась мраморная ванна

с позолоченной фурнитурой. Две стены полностью закрывали зеркала. Тома надавил на одно из них, оно открылось, и за ним оказались широкие полки с одеждой. Он достал целую стопку шалей всех оттенков синего. Цвет глаз Беатрис, разумеется, притягательный взгляд сине-серых глаз, на всех фотографиях, от обложек книг до интернета. Эльза взяла шаль, которая лежала сверху, теплую и воздушную шаль из кашемира. Она поднесла ее к лицу и закрыла глаза. От ткани исходил легкий фруктовый аромат. Ну конечно, духи Беатрис. «Ну давайте уже, не ребячьтесь, — проворчал Тома, — возьмите шаль, не то заработаете бронхит!»

В Тюильри Тома выделялся своей царственной осанкой среди туристов и спортсменов. Он торжественно прогуливался в своем кашемировом пальто по аллеям сада, как если бы Тюильри был всего лишь продолжением его квартиры.

— С женой мы каждый день здесь гуляли. Обычно мы дважды обходили сад, а потом пили кофе вон там, около киосков.

Вокруг фонтана бегали дети, подгоняя деревянными палочками свои миниатюрные парусники. На железных садовых стульях офисные клерки жевали сэндвичи, уткнувшись в телефоны. Один ребенок расплакался — его кораблик застрял в фонтане. Мать утешала его по-английски. Эльза подумала о сыне. Где он сейчас? Возможно, тоже в парке, в Лионе, с отцом? Она внезапно

очень по нему соскучилась. Решила, что в течение дня непременно ему позвонит. Чуть дальше пожилая женщина кормила хлебом голубей, их становилось вокруг нее все больше. В какой-то момент ее согбенная фигура полностью исчезла в облаке птиц. Эльза вспомнила Хичкока. «Птицы». А еще «Ребекку». Фильм, где юная девушка влюбляется во вдовца и отправляется за ним в Мэндерли — поместье, где умерла его первая жена. «Прошлой ночью мне снилось, что я вернулась в Мэндерли». Первые слова фильма. Фильм был экранизацией романа, который Эльза не смогла дочитать. Она достала из сумочки блокнот и записала: «Перечитать “Ребекку”, роман».

— Вы делаете заметки, Эльза? Вдохновение возвращается?

— Вовсе нет, я просто подумала, что мне нужно перечитать «Ребекку».

— Я очень люблю фильм, и актриса, Джоан Фонтейн, великолепна!

— Вы знали ее?

— Вы шутите? Фильм вышел в 1940-м!

Эльза расхохоталась. Ее шею укрывала шаль Беатрис.

— Какие духи носила Беатрис?

— *Extrait de pamplemousse** от Hermès.

— Такие женственные...

— Да нет, это мужской парфюм. Беатрис пользовалась только мужскими духами.

* Экстракт грейпфрута (*фр.*).

На кухне, под Пикассо, Тома впервые обнял Эльзу. Он целовал ее волосы, виски, затем тихо, осторожно — губы. Эльза позволила ему. Ей понравились его губы, его широкий средиземноморский рот. Ей понравилась его темная теплая средиземноморская кожа. Она еще не знала, нравится ли ей Тома, ее ли это *типаж*. Он нравился Беатрис Бланди, и пока что Эльзе было этого достаточно. Если эта гениальная писательница смогла прожить с ним почти тридцать лет, если она могла писать шедевры, живя с ним бок о бок, значит, в нем было что-то особенное. Что-то, чего Эльза еще не встречала в мужчинах и что, возможно, удержит ее рядом с ним. Ей просто нужно было следовать примеру Беатрис, шаг за шагом подражать ей.

Эльза задумалась, каково это — спать с мужчиной, который старше ее на двадцать пять лет. В одежде Тома был еще очень красив, но каким будет его обнаженное тело? Как будут выглядеть его торс, его плоть, его член?